

18+

Алишер Токсанов

Атомный призрак

Удар из прошлого

Алишер Таксанов

**Атомный призрак.
Удар из прошлого**

«Издательские решения»

Таксанов А.

Атомный призрак. Удар из прошлого / А. Таксанов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-681848-4

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.** Сборник рассказов позднесоветской фантастики. В
пустыне Эску водятся монстры и французские военные хотят их поймать,
чтобы создать биооружие. Студент будущего собирает хлопок, но это
теперь хищник. Стоматолог лечит инопланетян, и это очень опасно. Из
глубин прошлого всплывает атомная подводная лодка, несущая катастрофу
будущему.

ISBN 978-5-00-681848-4

© Таксанов А.
© Издательские решения

Содержание

ЛОВЦЫ ЗА СЦЕРЦЕПАМИ	6
ХЛОПКОВЫЕ БУДНИ СТУДЕНТА ИЗ БУДУЩЕГО	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Атомный призрак Удар из прошлого

Алишер Таксанов

Редактор ChatGPT

Иллюстрации ChatGPT

© Алишер Таксанов, 2025

ISBN 978-5-0068-1848-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЛОВЦЫ ЗА СЦЕРЦЕПАМИ (Фантастический рассказ)

Линия горизонта извивалась, как сжатая в нервном нетерпении змея, что рвалась куда-то прочь, но никак не могла уползти. Неискущённому путнику могло показаться, будто у него мутнеет в глазах или опьянённый мозг рисует зыбкий мираж: линии дрожат, предметы становятся мягкими, колышутся, будто плаваются, а небо медленно льётся в песок. Но на самом деле всё было проще и страшнее: горячий воздух, тяжёлый, как расплавленная смола, поднимался с раскалённых дюн плотными, тягучими столбами и искажал реальность. Сквозь эти волны мир казался прозрачным, как стекло, и столь же коварным: камни выглядели озёрами, тень – прохладой, а оазис – спасением, которое рассыпается в мираж, стоит лишь сделать шаг.

Иначе быть не могло – пустыня Эску, хоть и не столь известная, как Гоби, Сахара или Каракумы, по размеру почти не уступала им и таила в своих песчаных недрах немало ловушек для беспечных путников. Днём воздух дрожал от зноя, и стрелка термометра редко опускалась ниже сорока пяти градусов. Песок обжигал босую кожу, металл мгновенно нагревался до состояния, когда им можно было прижигать раны. Выжить здесь в одиночку было невозможно: даже караваны, отважные и привычные к лишениям, предпочитали обходить Эску стороной, как заколдованный остров, затерянный в океане барханов.

Местные бедуины с почтительным страхом говорили, что Эску проклята самим Аллахом, и правоверным не следует соваться туда, где не благословлена земля. Те, кто ослушивался, не возвращались: может, погибали от нестерпимой жары, может, от ветров, что поднимались внезапно и били песком в лицо так, что дыхание становилось болью, а каждая глотка воздуха – испытанием. Бывали такие бури, что песчинки, врезаясь в кожу, оставляли кровавую россыпь; лёгкие, переполненные ими, горели, словно их наполнили тлеющими углями. Голод и жажда здесь шли рука об руку с обманом миражей, и когда силы покидали путника, иссохшее тело мягко заглатывали барханы, скрывая всякий след, будто и не ступала здесь человеческая нога. Это ещё не считалось страшной смертью: пустыня знала иные, куда более жестокие способы – о них шёпотом говорили у костров.

Самым страшным наказанием для совершившего проступок считалось изгнание в Эску. Виновный, бледный и дрожащий, молил о том, чтобы ему отсекали руку или ногу, но не посылали туда, где нет прощения ни живым, ни мёртвым. Считалось, что само имя пустыни – шёпот духов, а пески – не просто песок, а высохшие души тех, кто в ней пропал. У очагов и костров, в длинные ночи, когда делать было нечего, люди пересказывали друг другу эти истории: одни – как предостережение, другие – чтобы пощекотать себе нервы. В эти часы дети жались к матерям, а старики с сухими, потрескавшимися губами медленно рассказывали легенды – о караванах, ушедших под песок, о чёрных тнях без следа, о голосах, что зовут по имени в ночной тьме. Молодые танцовщицы выводили неторопливые движения бедрами, создавая узор, будто песчаные волны, мужчины жарили мясо ягнёнка или верблюда, посвятив трапезу Аллаху, а над всем этим шёл упрямый, солёный, сухой ветер, в котором звенел смех пустыни – тихий, но вездесущий, как дыхание обречённых.

Эти истории говорили о чудовищах, скрывающихся в Эску с давних-прадавних времён, будто сама пустыня была их маткой. Согласно одной из версий, проклятый, согнанный с небес ангел, испепелённый светом, но сохранивший злобу, задумал отомстить Адаму и Еве – всему человеческому роду. Из своей черноты он вылепил армию жутких созданий, чтобы стереть с лица земли их потомков. Говорили, что он открыл адские провалы, выпустив оттуда исчадия мрака, поручив им уничтожить всех, кто дышит под небом. А вслед за ними он вышел бы и сам, чтобы стать хозяином планеты. Так, много тысячелетий назад эти порождения тьмы начали свой страшный поход, пожирая всё, что двигалось и дышало. Ничто не могло остановить их, ни сталь, ни огонь, ни молитвы; им было дано имя «сцерцеп» – «пожиратель» на языке бедуинских предков. Считалось, что их тела – это песок, скреплённый тьмой, глаза – две угольные дыры, а дыхание – горячий вихрь, сжигающий кожу и кости.

Люди молились и взывали о защите, и Творец услышал. Аллах, по преданию, собственной огненной тростью загнал этих созданий обратно глубоко под пески, запечатав их врата и запретив показываться. Но – и это знали бедуины – не навсегда. Иногда демон, хозяин подземного мира, выпускал их на поверхность, чтобы они насытились свежей плотью. Тогда горе тому, кто оказался на их пути: барханы сдвигались, становясь пастью, ветер вился в клубы,

пахнувшие серой, а земля дрожала, как кожа загнанного зверя. Предвестниками их выхода были землетрясения – глухой рокот из-под ног, будто бились огромные сердца. Бедуины при этом сжимались в крошечные фигурки, шептали имена своих предков, перекладывали детей на плечи верблюдов и поспешно уходили как можно дальше от опасных мест. Племена, жившие в горах или на равнинах, никогда не отказывали им во временном приюте, даже если прежде у них были кровные конфликты. Перед лицом демона и его армии следовало объединяться, чтобы сцереппы не сожрали всех и не воцарился мир ужаса и страха, в котором никто не сможет поднять головы.

Эти легенды могли бы остаться лишь страшными историями для ночных трапез и разговоров у костра, когда в чугунных котелках булькала похлёбка, жир трещал на вертеле, а танцовщицы, одетые в лёгкие шелка, медленно выводили узор танца, напоминающий движение ветра над барханами. Дети жались к матерям, старики, глядя в огонь, рассказывали, как пески проглатывают целые караваны, а юноши бросали быстрые взгляды в темноту, будто ожидая, что из неё выступит нечто шуршащее. И всё это, казалось, будет длиться вечно – до тех пор, пока в один день истории не заинтересовали белых людей.

Они пришли с севера, с того континента, где было тепло, но не жарко, где зимой падал снег, которого бедуины никогда не видели, и текли реки, полные воды, о которых жители пустыни могли только мечтать. В их представлении тот, кто владеет водой, – самый богатый человек. Белые пришли с лицами, обветренными морскими ветрами, и с глазами, в которых пустыня отражалась, как на старинной карте.

Первыми среди племён появились трое европейцев. Они были одеты в светлые, полувоенные формы цвета топлёного молока, с короткими стоячими воротниками, отливавшими медью пуговицами и кожаными ремнями с латунными пряжками. На головах у них красовались лёгкие шлемы-пробковые каски, а на ногах – высокие пыльные сапоги. Один, высокий и худой, с узкими скулами и вечно прищуренными глазами, походил на офицера или учёного-естествоиспытателя. Второй, коренастый, с медной бородой, таскал за собой ящики с приборами, колбы и металлические штативы, расправлял карты на коленях и чертил что-то остро заточенным карандашом. Третий был моложе, с улыбкой, чуть робкой, с глазами, цвета северного моря; он чаще остальных разговаривал с местными, пытаясь повторять их слова, и щедро раздавал подарки.

Они ходили по песку, что-то измеряли, всматривались в компасы и стеклянные тубусы, разговаривая между собой по-французски – язык, звучавший мягко и чуждо, как шелест бумаги. Европейцы не конфликтовали ни с кем, напротив, они явились как вестники нового мира: старейшинам принесли богатые дары – новенькие ружья с затейливой гравировкой, зонтики из прочной ткани с резными ручками, рулоны ярко окрашенного полотна, холодного и гладкого, будто вода; то, что ценилось среди африканских племён как знак великой дружбы. Племена позволили им шататься по своим землям, но строго предупредили – не уходите далеко в Эску, там вас поджидает смерть. Однако белые, наоборот, всё чаще указывали на юг, спорили между собой, размахивали картами – их интересовали пустынные площади, словно в них скрывалось нечто, что только они могли распознать.

Некоторые бедуины поговаривали, что белые интересуются нефтью или газом, другие уверяли, что Эску богата золотом и серебром. Но золото это, говорили старейшины, проклято, ведь его можно добыть только в нечистом месте, где Аллах отнял своё благословение. Такому золоту приписывали дурную силу: кто держит его в руках, тот теряет рассудок, болеет, а его семья распадается, словно песчаная глыба от ветра. Поэтому бедуины, даже самые бедные, отказывались от возможности владеть проклятым металлом – «лучше рука останется чистой, чем карман полным», – говорили они, и отворачивались.

Но европейцев не интересовали рудники или месторождения. Они не были ни геологами, ни нефтепромышленниками. Их заботило другое.

В один вечер, когда воздух под шатрами уже остыл и пах обожжённой бараниной, они зашли к одному из старейшин и попросили совета. Тот, сохраняя достоинство, пригласил их присесть на расстеленные ковры. Внутри шатра горела низкая лампа из верблюжьего жира, её жёлтый свет бросал пятна на лица и поблёскивал на медных блюдах. Женщины внесли еду: плоские лепёшки, дымящиеся горшки с острым супом из чечевицы, миски с изюмом и финиками, густой йогурт с мёдом, крепкий сладкий чай с кардамоном. Ароматы тёплой пищи и пряностей смешивались с запахом нагретой ткани, шерсти и песка, занесённого ветром.

– Мы – учёные из Франции. Я – биолог Жан Луис, – представился самый главный. Имена двух других он не назвал, и те не стали возражать; для старейшины это было естественно: слуг никогда не представляли. – Мы не геологи и не ищем рудники, как думают ваши люди. На самом деле мы прибыли сюда в поисках редких и ценных животных...

Пришла очередь удивляться бедуину.

– Какие же редкие и ценные животные вы можете найти у нас? Мы располагаем только верблюдами, овцами, лошадьми...

– Это домашний скот. Но ведь другие живые существа вокруг вас, – мягко заметил Жан. Его спутники молчали, внимательно слушая, словно всасывая каждое слово.

– Вокруг нас только жуки, змеи да редкие птицы, – усмехнулся старейшина. – Вы ничего здесь не найдёте...

– А сцерцепы?..

Бедуин резко замолчал и с изумлением посмотрел на учёных. В его глазах вспыхнули искры раздражения и злости, губы дрогнули, будто он сдерживал крик:

– Не упоминайте мне об этих исчадиях ада! Эску проклята, и ни один правоверный мусульманин не пойдёт туда! Аллах запретил нам туда ходить...

– Но туда ведь кто-то ходит, – вдруг заговорил второй француз. – Несмотря на запреты Аллаха. Более того, приносит оттуда интересные вещи...

Старейшина ошеломлённо взглянул на него. Второй потянулся к сумке и достал оттуда тяжёлый предмет. Это был тридцатисантиметровый коготь неизвестного животного: загнутый, как серп, с ребристыми прожилками по бокам, буро-чёрный, с осколками песка, намертво вросшими в роговую ткань, и матово поблёскивающий, словно застарелая кровь. Жан бережно взял его из рук коллеги и поднял так, чтобы старейшина мог разглядеть.

Стоявшие по обе стороны бедуина молодые слуги, вооружённые саблями и кремнёвыми ружьями, испуганно отшатнулись, скосив глаза и прижимая оружие к груди. Один перекрестился по-христиански, другой пробормотал молитву – коготь будто оживил старые страхи.

– Вам знаком этот предмет, уважаемый? – спросил француз. – Вижу по вашей реакции, что знаком...

Старейшина молчал, губы судорожно шевелились, может, он читал суру. Лоб его покрылся испариной, в складках век зашевелились тени. Потом он глубоко вздохнул, словно вытесняя из груди тяжесть, и произнёс:

– Да, знаком. Это принёс Саид из проклятой пустыни... Но он не мусульманин. Он пришлый, всего лишь муж одной из женщин нашего рода, который в честной и благородной схватке с соперником получил право взять её в жёны. Но он до сих пор для нас чужак, так как не принял нашу веру; хотя говорит по-арабски, предпочитает больше общаться на суахили... Поэтому никто не может запретить ему ходить туда, куда правовеверным запрещено вступать ногой...

Таких слов гости и ожидали.

– Этот Саид, видимо, был в Эску и нашёл этот коготь. Он продал его хозяину лавки в Бариге – городе, что в сорока километрах отсюда. Тот – французским туристам. Те, по прибытии в Париж, показали коготь нам, сотрудникам Института палеоорганизмов. Ни один из биологов не сумел установить, кому он принадлежит. На Земле нет таких животных, которые могли бы обладать таким грозным оружием. Даже динозавры имели другие очертания когтей – более плоские, с иными пропорциями и без таких глубоких борозд. – Жан провёл пальцем по изогнутому лезвию, показывая его особенность. – Кроме того, динозавры известны только по останкам, которым свыше шестидесяти миллионов лет. А этому когтю не более тридцати – таковы результаты радиоуглеродной экспертизы. Значит, он принадлежит существу, которое живёт поныне. Мы считаем, что это коготь сцерцепа. Да-да, того самого, что, по вашим легендам, обитает в Эску...

Старейшина молчал. Его морщинистое лицо словно окаменело, только жилка на виске едва заметно билась. Взгляд его метался между фотографиями и французами – тревожный, настороженный, как у зверя, загнанного в угол. Он чуть подался назад, опершись на локти, пальцы перебирали бороду, то сжимая, то отпуская пряди, будто это помогало унять растущее раздражение. В глубине его глаз, тёмных и матовых, как обсидиан, прятались усталость, страх и что-то похожее на злость, но сверху всё прикрывалось маской вежливого безразличия.

– И что же вы хотите? – наконец выдал он хриловатым голосом. По тону было слышно: разговор ему всё меньше нравился, и если бы не статус французов как гостей, он прервал бы

беседу и приказал им покинуть стан. Но на Востоке, в том числе и в Африке, к традициям гостеприимства относились трепетно. Хозяин, оскорбивший гостя, терял лицо и уважение, а если это старейшина – позор ложился на всё племя, будто тень, и ни один род не захотел бы такого ostrакизма. Поэтому, сжав зубы, он держался, но пальцы его выдали – костяшки побелели.

В этот момент второй европеец достал из сумки стопку фотографий и протянул Жану. Биолог принял их и стал раскладывать на ковре перед бедуином. Было видно, как старик внутренне сжался: ему и противно, и страшно, и в то же время неодолимо интересно разглядывать. На снимках было запечатлено нечто: тёмное, громоздкое тело, выглядывающее из песка, рядом – искорёженные останки верблюда, полузасыпанного барханом. Фотографии были нечеткими, расплывчатыми, словно их делали в спешке, дрожащими руками, или старой камерой. Границы расплывались, но от этого кадры выглядели ещё страшнее, как кошмар, выхваченный из сна.

– Это снимки, сделанные месяц назад французским патрулём с вертолётa, – пояснил Жан. – Они преследовали партизан, напавших на пост Иностранного легиона, и залетели частично в пустыню Эску. Сначала они заметили пятно и решили, что партизаны окопались, чтобы подстрелить «Пуму» из переносных зенитных ракет. Однако это было иное. Какое-то громадное животное копошилось в песке, унося с собой верблюда. Второй пилот пытался сфотографировать, но его вдруг стошнило, началась сильная головная боль. Руки дрожали, и снимки вышли некачественными. Первый пилот тоже почувствовал себя плохо и взял курс обратно. По дороге они облевали всю кабину, и лишь на базе пришли в себя и рассказали, что с ними произошло. Фотографии свидетельствуют: они не вдали...

Старейшина, сдерживая себя, с неохотой произнёс:

– Да, не скрою, я слышал о нападении партизан на ваш пост. Мы никакого отношения к этому не имеем. Мы – племя, которое сейчас не ведёт ни с кем войну, в том числе и с французами. Они нас не трогают, а мы не суёмся в их дела. У нас мир со всеми. А то племя пытается отвоевать то, что по праву считает своим. Аллах оставил им эти земли, и плохо, что не все французы это понимают...

Жан недовольно тряхнул головой:

– Мы это понимаем. Но нас не интересует политика, мы учёные-биологи. Нам нужно только узнать, где Саид нашёл этот коготь, сумеет ли он провести нас к тому месту?..

Нельзя сказать, что бедуин обрадовался этому предложению. Он молчал, перебирая бороду, опустив взгляд. Его глаза оставались напряжёнными, в них горел странный, тусклый свет, как в углях, которые не могут потухнуть: тревога, недоверие, тень стыда – и всё это перемежалось с мимолётным интересом.

В этот момент сидевший третий европеец решил положить конец тяжёлым думам старика испытанным для этих мест методом: из сумки он вынул пачку купюр и бесцеремонно бросил на медный поднос между чашками с остывшим чаем.

– Это франки... Хватит вам для покупки целого стада верблюдов, – произнёс европеец, мягко придвигая к старейшине пачку купюр. – При возвращении обратно мы дадим вам ещё столько же...

Старейшина прищурился, будто хотел разглядеть не только деньги, но и намерения гостей. Несколько секунд он молча смотрел на банкноты, что лежали, как яркое пятно, на подносе. Потом кивнул, коротко и властно, и сказал своему слуге-охраннику:

– Возьми и спрячь.

Охранник, крепкий парень с выгоревшей кожей, молча скользнул вперёд, подобрал купюры обеими ладонями, словно брал что-то опасное, сунул в мешочек, прицепленный к поясу, и снова занял место у стены, не сводя внимательных глаз с европейцев. Движения его были быстрыми, как у зверя, который не хочет терять ни секунды.

Потом бедуин сказал второму:

– Позови Саида.

Тот, поняв, что разговор переходит на следующий этап, мгновенно вскочил, распахнул полог и выбежал из шатра, оставив за собой шлейф горячего воздуха пустыни.

– Так что вам это даст? – кисло спросил старейшина, чуть склонив голову набок. – Вы хотите приручить сцерцепа? Тысячи лет это чудовище властвовало в Эску, никому не подчиняясь и уничтожая любого, кто проникнет на его территорию. Немало людей сгнуло там... И вы считаете, что это просто – поймать сцерцепа?

Европейцы переглянулись и усмехнулись:

– Мы ловили белую акулу, причём гигантских размеров. Она до этого сожрала около двадцати человек у побережья Мадагаскара. Но мы её отловили и доставили в наш Институт. Это мегалодон – акула, которая, как считалось, вымерла три миллиона лет назад. Теперь акула – наш один из лучших экспонатов. Сами понимаете, не так её легко было поймать.

Мегалодон, как вспоминал Жан, был чудовищем из глубин – пятнадцатиметровое туловище, широченный, как двери ангара, рот с зубами размером с ладонь, глаза без выражения, холодные, как сама бездна. Когда они подняли его из воды, стальная сетка трещала, как ржавое сито, а на палубе люди невольно отступали, чувствуя исходящую от него древнюю ярость океана.

– Мы охотились в Амазонии на анаконду, которая весит около тонны, и поймали, – хвастливо заявил второй европеец. – Так что опыт у нас есть. Есть и техника для ловли.

Анаконда была толщиной с бочку, тёмно-оливковая, вся покрытая блестящими кругами, как чёрные медали. Она могла обвить лодку, и та трещала под её тяжестью. В памяти европейцев до сих пор стоял запах раздавленных трав и тины, когда змею извлекали из мутной заводи, а её мышцы, живые канаты, извивались, пытаясь разорвать капроновые петли.

Но старейшину это не убедило.

– Не мне вам советовать, как ловить чудовищ, – сказал он, и в голосе его послышался металл. – Но вы идёте в пасть льва без какой-либо защиты. Сцерцеп – это вам не акула и не змея. Это страшнее.

– Но вы же не видели это животное. Откуда вам знать? – ехидно спросил Жан.

Бедуин не стал обижаться. Он опустил глаза, на лице проступила усталость, а взгляд затуманился, будто он смотрел сквозь века. Действительно, он никогда не видел сцерцепа, но историй о нём знал немало. А они не берутся из воздуха – их рассказывают люди, которые когда-то имели контакты с порождением демона. Даже если в этих историях есть примесь вымысла – а она есть, этого не стоит отрицать, – в них всегда таится крупица правды.

– Я знаю это от своих предков и родственников, что сцерцепы неуязвимы, – заявил он, желая показать, что не так уж несведущ в данной теме. – Мой троюродный дядя, будучи молодым и смелым моджахедом, сорок лет назад сопровождал караван купцов на восток, и они немного сбились с дороги и углубились в Эску. Было землетрясение, потом пылевая буря... Выжило только три человека, в том числе и дядя. Он рассказывал, что караван погиб не от бури – от неё можно было спастись. Он сообщил, как из песков вылезли сцерцепы и напали на верблюдов и людей, терзали их своими когтями и пожирали огромными челюстями. Люди беспорядочно отстреливались, рубили саблями – в том числе и собственных лошадей, и друг друга... Они словно сошли с ума и не могли нормально сопротивляться. У некоторых пена шла изо рта, глаза налились кровью... Дядя сумел уйти на своём верблюде, пока сцерцепы разделялись с останками...

Старейшина замолчал. Он ушёл во воспоминания рассказа дяди: взгляд его помутнел, лицо стало неподвижным, будто вырезанным из песчаника. Тонкие пальцы невольно поглаживали края ковра, будто ощупывая невидимые нити прошлого. С каждым мгновением он всё глубже уходил в память – и вокруг шатра, казалось, тоже стало тише, даже ветер за стеной стих.

В этот момент полог шатра поднялся, и вошёл Саид. Он шагнул внутрь, заполнив собой узкое пространство, – не араб, а рослый африканец, в белом тюрбане и выцветшей, но чистой накидке. На поясе у него висела сабля с потёртой рукоятью, за спиной торчало ружьё. Судя по виду, это был гордый и смелый мужчина: свидетельства тому – узловатые шрамы на лице и руках, следы давних схваток и испытаний. В его чёрных, как ночь, глазах горел вопрос: «Зачем я понадобился вам?» – и в этом вопросе чувствовались и осторожность, и скрытая готовность действовать.

Старейшина сказал, устало поглаживая бороду:

– Эти люди интересуются Эску...

– Точнее, мы интересуемся сщерцепами, – мягко направил мысль в нужное русло Жан. – Мы знаем, что ты о них кое-что знаешь...

За шатром в полуденной тишине стояло раскалённое солнце. Оно не светило – палило. Воздух дрожал, будто натянутая прозрачная плёнка; ветер принёс в ткань шатра запах жжёного песка. Даже верблюды, привязанные неподалёку, молчали, прижав уши, а редкие мухи двигались вяло, как вязкие комки смолы.

Но Саид нахмурил густые брови и ответил:

– Я не знаю ничего о сщерцепах... Лишь те легенды, которыми полны все племена вокруг этой пустыни. Вам больше расскажет какой-нибудь старик или старуха, любящие сказки детям на ночь...

В этот момент француз вытащил из сумки и показал ему коготь. Лицо Саида оставалось бесстрастным, кожа – тёмная маска, губы – тонкая линия. Но все заметили, как в глубине его глаз на миг вспыхнул огонёк узнавания: будто короткий жар вспорол ледяную поверхность.

– Узнаёшь, Саид? – тихо спросил Жан. – Вижу, что узнаёшь...

Африканец не стал отнекиваться. Медленно, чуть заметно кивнул: да, знаю. Плечи его слегка опустились, и даже движения рук стали мягче, будто он перестал играть роль равнодушного.

– Можешь рассказать, как она попала тебе в руки?

Тот молчал. Словно тяжёлый груз лег на грудь. Он отвернулся к пологу шатра, и губы его чуть шевелились, но слов не было. Саид не особенно желал копошиться в памяти – это чувствовалось. Тёмная складка легла между бровей, пальцы перебирали край его пояса, как бы давая телу что-то делать, пока голова решает, говорить или нет.

– Мы заплатим за информацию, – произнёс Жан, и второй его спутник без слов бросил на поднос ещё пачку денег. Шуршание купюр прозвучало в душном воздухе, как вызов.

Тут вступил в разговор старейшина, которому понравилось получать большие деньги за пустяковые услуги. Голос его стал мягче, с ноткой подбадривания:

– Расскажи, Саид, чего они хотят... Ты ничего не потеряешь...

Пришлось Саиду подчиниться – со старейшинами не спорят. Он присел на застланную коврами землю, медленно, с чувством неизбежности, и начал глухо, будто изнутри сундука, говорить:

– Да, я видел сцереца... Это было пять месяцев назад... Я шёл на охоту. Зверья мало осталось вокруг, и пришлось мне направиться в Эску. Я не боялся сцерецов, потому что мало верил легендам – сам я из других мест, а там свои сказки и о других существах. То, что было запрещено мусульманам, не было запретом для меня, язычника, поэтому я без страха вступил в пустыню...

Саид говорил ровно, почти монотонно, но в каждом слове была напряжённая память.

– Я шёл три дня, пока не устал. Моя лошадь тоже хрипела. Воды оставалось мало, и я уже собирался вернуться, как пески затряслись... Это было землетрясение. Барханы перекидывались друг на друга, и меня чуть не занесло песком с головой. Моя лошадь оказалась погребённой, она задохнулась. Я пытался её вытащить, спасти, но вдруг какая-то мощная сила стала её втягивать в глубину... Это меня изумило...

Он перевёл дыхание и продолжил, опустив глаза:

– Я стал тянуть лошадь за ногу обратно, сопротивлялся несколько минут, пока из песка не показалась лапа с этим когтем. Она стала разрывать тело моей лошади, кровь брызнула во все стороны, в том числе и на меня. Я был ошеломлён, но не испуган. Прикладом ружья ударил по лапе. Та замерла, а через несколько секунд из песка выглянула огромная страшная морда с пастью. Там были зубы-пилы, таких я никогда не встречал. Я сразу понял, что это и есть тот самый сцерец, о котором говорят столько много бедуины...

Глаза Саида блестели, как у человека, вновь переживающего каждое мгновение.

– И я знал, что сражение с этим чудовищем мне не выиграть, если не буду более быстрым и смелым. К счастью, у меня была с собой ручная граната, я её ношу с моей прошлой военной жизни. Я выхватил её из-за пояса, выдернул чеку и бросил прямо в пасть...

Саид слегка прикрыл глаза.

– В эту секунду меня стало тошнить, буквально выворачивать наизнанку, кровь билась в голове, казалось, что мозги сейчас взорвутся... Но взорвался сцерец, который проглотил гранату. Бах! – и окровавленные останки разлетелись по песку...

Слушавшие эту историю французы ахнули и переглянулись. Саид это заметил, и продолжил:

– Я же встал, собрал вещи... Меня не интересовало мёртвое чудовище. И мне не хотелось оставаться тут, так как могли появиться ещё другие, а гранаты у меня больше не было... Мне было жаль мою лошадь, с которой я прошёл немало дорог... На её боку торчал коготь с оторванной лапой. Я выстрелом из ружья отделил коготь и взял его в качестве трофея... Но никто в племени не поверил мне, что это принадлежало сцерецу, когда я вернулся обратно...

Старейшина, который до этого слушал рассказ с закрытыми глазами, признался, чуть наклонив голову, будто признавая тяжесть сказанных слов:

– Да, мы не поверили... Саид храбрый воин, однако было невозможно поверить, что ему удалось победить порождение демона. Над ним насмеялись многие наши воины, и дело

не дошло чуть до схватки, но я остановил... Я приказал ему выкинуть этот коготь от греха подальше...

Саид кивнул и продолжил уже ровным, но глухим голосом:

– Я думал выкинуть, как и сказал мне старейшина Али, но моя супруга предложила коготь продать торговцу в Бариге, чтобы купить новую лошадь. Без лошади воин – не воин. И я отправился в город. Только торговец оказался жадным, он не верил, что это принадлежит сцержепу, и дал несколько монет, на которые не то что коня – козу не купишь...

Африканец замолчал. Его взгляд потемнел, как ночной песок, а пальцы скрестились на коленях, словно он сдерживал раздражение и усталость.

Гости некоторое время молчали, будто переваривая услышанное. В их глазах читалась смесь недоверия и профессионального восторга, губы шевелились без звука. Потом они перешли на быстрый, напряжённый разговор между собой, обмениваясь словами, непонятными для бедуинов. В шатре начали звучать странные, чужие термины – «магнитные поля», «инфразвук», «регенерация», «метаболизм» – эти звуки ударялись о тканевые стены, как невидимые насекомые, и гасли, оставляя после себя лёгкий гул. Саид терпеливо ждал, прислонившись к ковру; его взгляд был каменным, но в нём скользило едва заметное презрение. Старейшина тоже молча наблюдал, перебирая чётки, словно ожидая конца какого-то затянувшегося обряда.

Наконец Жан, сделав широкое движение рукой, оборвал спор коллег и повернулся к собеседникам:

– Спасибо, мы получили то, что нас интересовало. Завтра сюда прибудет наша основная экспедиция. Это три бронетранспортёра и две легковые автомашины. Будет также клетка-ловушка. Мы хотели, чтобы ты, Саид, сопровождал нас... Показал то место, где на тебя напал сцержеп...

Но Саид усмехнулся, губы его изогнулись, но глаза остались холодными:

– Это пустыня... Там нет ориентиров, один бархан не отличается от другого. Я не смогу найти то место... Да и желания туда идти нет... Это место не для людей...

Французы приняли это совсем за другое.

– Храбрый воин Саид испугался? – ехидно спросил второй учёный. – Тот самый, что отстоял право иметь жену?..

Саид вскочил. Его руки сжимались в кулаки, суставы побелели, глаза сверкнули, как сталь на солнце, дыхание стало резким. Он шагнул вперёд, и по выражению лица было ясно: ещё миг – и сабля с пояса отлетит в руку, пара движений – и головы французов слетят с плеч. В воздухе повисла тягучая, опасная тишина.

Старейшина резко поднял руку, как дирижёр, останавливающий оркестр:

– Успокойся, Саид, это наши гости!

И обратился к французам, голос его стал твёрдым, как камень:

– А вам, уважаемый, следует помнить и о правилах для гостей, не оскорблять моих людей.

Француз опустил глаза и пробурчал слова извинения, не слишком внятные, но с явно сдвинутым раздражением.

Тогда вмешался Жан – его голос зазвучал мягко, дипломатично:

– Послушай, Саид, я не стану настаивать, смотри сам... Мы дадим тебе денег, на которые ты сможешь купить себе новую лошадь, а также стадо верблюдов. Ты станешь богатым... И тогда жена твоя будет носить золотые украшения, как и подобает супруге великого воина, а не медные кольца, что она имеет сейчас... А то, что ты не боишься, я это знаю – ведь ты и раньше без страха ходил в Эску...

Саид молчал, не сразу отвечая. Он стоял посреди шатра, высокий, в тени, похожий на тёмный столб. На лице его не было ни благодарности, ни злости – только странная смесь напряжения и сосредоточенности. Взгляд упал куда-то в ковёр, будто он видел там не узоры, а песчаные дюны, утренний холод пустыни и тёмную яму, где погибла его лошадь.

Внутри него боролись две силы. Одна – древняя, гордая, с которой он рос с детства: бедуин не продаёт свои следы, не становится проводником чужаков к месту, где живёт зло. Другая – новая, трезвая, холодная: без лошади он действительно перестал быть воином; жена смотрит на него иначе; сыновья из других кланов смеются. Золото могло бы вернуть ему не только лошадь, но и уважение.

Скулы Саида напряглись, губы стали тонкими. Он провёл ладонью по лицу, как будто смывая с него гнев и песок. Его глаза чуть смягчились, но в глубине ещё сверкала сталь.

Он поднял голову и посмотрел прямо на Жана. Тот выдержал этот взгляд – испытующий, долгий. Французы застыли, ожидая ответа. Старейшина тихо перебирал чётки, не вмешиваясь.

Саид наконец заговорил глухо, будто каждое слово отрывалось от сердца:

– Вы говорите много... Вы обещаете золото... Но вы не знаете, куда идёте. Пустыня не любит чужаков. Там песок не прощает тех, кто пришёл с клетками. Я не боюсь – я видел смерть в лицо. Но если я поведу вас, я поведу не за золото... а чтобы знать, что мои шаги не отведут беду к моему племени.

Он замолчал, в шатре снова повисла тишина. Французы переглянулись – они явно не ожидали таких слов. Взгляд Саида был теперь спокоен, тяжёл, как камень, он больше не напоминал разъярённого зверя – скорее охотника, который решил, что будет делать дальше.

Старейшина слегка улыбнулся, щуря глаза, словно солнце уже било ему прямо в лицо:

– Соглашайся, Саид. Нам гарантируется безопасность и спокойствие.

– Хорошо, я пойду с вами, – глухо, будто нехотя, произнёс африканец. Глаза его стали узкими, ничего не выражали – две чёрные щели, в которых читалось не покорство, а сдержанное, выверенное решение. Он стоял, как скала: ни радости, ни страха, только тяжёлая тень в глубине зрачков.

– Вот и хорошо, – обрадовались гости. Жан прибавил, чуть кивнув:

– Завтра тогда выступаем, будь готов... А это, – он достал пачку франков, бросил на поднос, – тебе задаток. Остальную часть получишь после возвращения. Мы слово своё держим.

– Я тоже, – коротко усмехнулся Саид. Он склонил голову перед старейшинами, не попрощался с гостями, повернулся и вышел из шатра. Двое французов проводили его нескрываемым презрительным взглядом – у одного губы чуть скривились, у другого дёрнулся уголок носа, будто от дурного запаха. А Жан, глядя ему вслед, был вынужден признать про себя: этот человек гордый, самостоятельный, с ним будет непросто, он не позволит давить на себя – за себя он постоит.

– Мой один из лучших воинов, – негромко заметил бедуин, не столько хвалясь, сколько напоминая, что Саид – не наёмник, а воин.

... Утром всё племя разбудили клаксоны – визгливые, режущие ухо сигналы. По барханам, как по ступеням, шли две легковые машины марки «джип» – тёмно-зелёные, с закопчёнными выхлопными трубами, их колёса легко перемалывали песчаные гребни, разбрасывая золотистый песок веерами.

За ними, тяжело, как бронированные звери, двигались три серо-коричневых бронетранспортёра. Из-под их широких колёс камни вылетали пулями, моторы натужно гудели, отдаваясь в земле низким рокотом. Сидевшие на броне солдаты – в очках, с закатанными рукавами – с пренебрежением и любопытством смотрели на шатры бедуинов, как на декорацию, а не на живой дом. Стволы крупнокалиберных пулемётов были приподняты, смотрели вверх – прибывшие явно не считали местных врагами, но и дружелюбия не проявляли: их вторжение было открытым и наглым. Однако никто не дерзнул ответить – ни один клинок не был вынут из ножен, ни один затвор не передёрнут: все помнили наставление старейшины.

Солнце тем временем уже поднималось и начинало палить нещадно, выжигая тени. Ночная прохлада пустыни исчезала, барханы становились яркими, как расплавленное золото. Пока

воздух оставался прозрачным, горизонт был резким, но через несколько часов горячие струи начнут играть, искривляя реальность миражами.

Верблюды и лошади племени тревожно фыркали, дергали поводья, всполошённо вертели ушами, слыша непривычные звуки клаксонов и рев дизельных двигателей. Животным не нравился этот запах – резкий, горький, чужой, вязкий, как гарь от костра с пластиком. Они переступали с ноги на ногу, некоторые тянулись к тени шатров, прижимали уши, фыркая, будто желая вытолкнуть из ноздрей незнакомый смрад.

Выскочившие из жилищ бедуины, прикрывая ладонями глаза от бликов солнца, с изумлением и тревогой наблюдали, как колонна техники замедлила ход и остановилась у шатра старейшины. В воздухе стоял тяжёлый запах дизельного выхлопа, и тонкая завеса пыли оседала на их белые бурнусы.

Некоторые солдаты, спрыгнув с машин, стали распаивать боковые люки и выгружать ящики. Их больше всего интересовало огромное сооружение на шести массивных колёсах, которое тянул последний бронетранспортёр. Это была клетка-ловушка: сваренная из толстых труб и стальных прутьев, она походила на передвижной форт. Сетчатые панели блестели свежей смазкой, внутри лежало сложенное оборудование – блоки электрошокеров, бочки с водой, верёвочные сети, приборы с мигающими лампочками. Клетка была почти с дом, и казалась диковиной среди песков.

Дети, привлечённые шумом, выскочили из-за шатров, подбежали ближе, вытянув шеи, и тянули руки, чтобы потрогать непривычные предметы и форму солдат. Один из французов резко обернулся и зло цыкнул:

– Reculez! Allez-vous-en d'ici, gamins! Ce n'est pas un cirque!

Дети, испуганные, шарахнулись назад, переговариваясь между собой на арабском.

Взрослые что-то строго им сказали что-то по-арабски, и с этого момента ни один ребёнок больше не осмелился подходить к машинам и солдатам.

Из первого «джипа» вышел офицер, судя по нашивкам – майор. Форма цвета хаки была свежей, выглаженной, на поясе – два пистолета в чёрных кобурах. Серый берет прикрывал начисто выбритую голову, а зеркальные противосолнечные очки прятали взгляд – именно глаза чаще всего выдавали чувства, а у него лицо оставалось каменным. Широкие плечи, крепкая шея, руки в перчатках – всё в нём говорило о человеке, привыкшем командовать и быть уверенным, что ему подчинятся.

Майор крикнул по-французски, его голос хлестал воздух, как плеть:

– Louis! Où es-tu? Martin! Jules! Où diable êtes-vous passés? Combien de temps je dois vous appeler ici? On va finir par se couvrir de poux dans ce trou... (Луис! Где ты? Мартин! Жюль! Куда вы запропастились, черт вас подери? Долго мне здесь вас окликать? Совсем завшиветь можно в этом месте...)

Из-за другой стороны шатра, переговариваясь между собой, появились трое французов, которые ночевали в собственной палатке. Они отказались от гостеприимного приглашения остаться у старейшины, предпочитая своё пространство. Однако давно уже были на ногах – просто проверяли показания приборов, расставленных в песках.

Жан подошёл к майору и поздоровался.

– Ну, какие новости? – спросил майор, продолжая окидывать местность взглядом, в котором сквозило презрение. Он смотрел на бедуинские шатры, как на рваные палатки нищих, а на людей – как на случайных статистов. Нос чуть морщился, будто запах чужой жизни его раздражал, губы сжимались в тонкую линию. Здесь ему было неприятно, но приказ – есть приказ.

Биолог стал объяснять:

– Мы проводили замеры... Приборы показывают, что пустыня, несмотря на кажущуюся безжизненность, биологически активна. Индексы достигают ноль девять, а параметры по энергозамерам...

– Говорите яснее, я вам не учёный, а солдат, – с ноткой раздражения перебил офицер. – Что вы обнаружили?

– То, что в пустыне действительно что-то проживает, и мы это должны поймать, – ответил Жан. – Легенды не врут: в Эску есть чудища.

Майор хмыкнул, скептически качнув головой:

– А вы уверены, что военное ведомство заинтересуется этими животными? На кой ляд нам звери, мы же не зоопарк какой-то...

У биолога были свои мысли на сей счёт. Он чуть подался вперёд, понизил голос и сказал, словно читая лекцию:

– Напрасно вы иронизируете, майор. Эти животные обладают такими свойствами, какими не владеет никто на Земле. Есть такая наука – бионика. Она позволяет использовать принципы живой природы в технике. Так, первые вертолеты появились, когда инженеры изучили строение и принципы полёта стрекозы: два независимых крыла, создающих подъёмную силу и позволяющих зависать на месте. Подводные лодки мы тоже конструируем, глядя на морских животных – дельфинов, тюленей, акул. Их обтекаемая форма, микрорельеф кожи, система управления плавниками позволяют достигать невероятной глубины и выдерживать давление воды. Эти принципы уже давно внедрены в военные проекты, чтобы увеличивать скорость, манёвренность и незаметность.

Майор, наблюдая, как солдаты по указке двух других учёных выгружают из грузовиков ящики с приборами, хмыкнул:

– Так мы будем ловить стрекозу? И стоило для этого пригонять сюда бронетранспортёры и строить эту огромную клетку? Как вы сказали, мои люди закупили тонну мяса – для чего? Кормить местный сброд?

Жан недовольно сжал губы:

– Я сказал о стрекозе лишь для сравнения. Сцерцепы – так бедуины называют таинственных животных Эску, – обладают свойствами, которые мы можем использовать в качестве оружия.

Слово «оружие» заставило майора напрячься. Он чуть приподнял голову, взгляд под тёмными очками стал жёстче, уголки рта дрогнули. Это была его любимая тема. Оружие означало власть, карьеру, отчёты наверх, финансирование.

– Если это связано с разработкой оружия, тогда я одобряю вашу настойчивость в министерстве обороны, – произнёс он уже другим, более деловым тоном. – Париж превыше всего. Мы должны опередить всех, особенно потенциальных врагов. Пока ещё коммунисты не добрались сюда, шанс стать обладателем нового вида оружия будет у нас. А что, кстати, это за оружие?

Жан почесал переносицу, собрался с мыслями:

– Сцерцепы поражают живые организмы, используя какие-то электромагнитные волны. Какие точно – мы пока не знаем. Но зато известно, что люди теряют сознание, их тошнит, останавливается сердце, возможен паралич нервной системы – то есть они не способны к активным действиям. Понимаете, что это означает? Особенно на поле сражения?..

Майор с удовлетворением щёлкнул языком, в его голосе прозвучала откровенная жадность:

– Да, это отлично. Можно победить врага, не произведя ни одного выстрела. Напустил волну – и вся армия лежит бездыханная. Прекрасно! Можно производить обстрел из космоса, и огромная территория окажется безжизненной – это поэффективнее ядерного оружия.

Он закрыл глаза, представляя эту картину: перед внутренним взором вставали ряды врагов, корчащихся и падающих, словно скошенных невидимой косой; танки, застывшие без экипажей; города, обрушивающиеся в тишине; а над всем этим – флаг Франции, одинокий и торжествующий. Его ноздри слегка раздувались, уголки губ дрогнули в полуулыбке, в которой смешались военная прагматика и азарт охотника, чувявшего новую добычу.

Жан улыбнулся:

– И я об этом твердил вашим твердолобым генералам, и, слава Богу, многие из них поняли и поддержали меня.

К офицеру подбежал рыжеволосый сержант – крепкий, коренастый, с веснушчатым лицом и обветренными руками. Рыжая щетина торчала из-под пилотки, на шее болталась кружка, а ремень на животе был затянут так туго, что казался бронёй. В голосе звучала привычная армейская торопливость:

– Господин майор, нам нужно разгрузаться?

– Нет, – ответил тот. – Останется только один «джип» и два рядовых, они будут поддерживать с нами радиосвязь и информировать нашу базу о результатах экспедиции. Сгрузите им продовольствие и рацию. Мы не будем терять времени и поедем дальше. Я планирую осуществить операцию по поимке сцер... сцип... этих пустынных гадов в течение двух-трёх дней...

– Есть! – отчеканил сержант и, развернувшись на каблуках, побежал обратно к бронетранспортёрам.

Бедуины стояли и продолжали хмуро смотреть на солдат. Их глаза были тёмными, лица неподвижны, лишь лёгкий ропот шелестел в тени шатров. Им не нравились эти чужаки, но и мешать не хотели. Из шатра появился старейшина; с некоторым ехидством сказал что-то своим людям, и те заулыбались.

Понимавший немного арабский второй учёный тихо перевёл фразу Жану:

– Он говорит, что пустыня нас поглотит, что Аллах не защищает тех, кто ослушивается его.

– Ну, мы это ещё посмотрим, – крикнул Жан. Он всегда был уверен в себе. Жизнь научила его держать нос по ветру и чувствовать, где есть слава и признание, а значит – деньги и профессиональный рост. За сцерцепу он мог получить Нобелевскую премию – не мира, конечно, а по биологии или хотя бы военную награду, но заголовки газет всё равно будут с его именем. Честолюбивый и амбициозный, он при этом не шёл по трупам: всё добивался сам. Эти каче-

ства заметили в Министерстве обороны, когда предложили ему возглавить сектор специальных биологических исследований в Институте палеобиологии. За пять лет он добился впечатляющих результатов, и не одна его разработка уже нашла применение в военной сфере. А сейчас – сцерецп: шанс сделать его имя знаменитым на весь мир.

Майор захохотал – слова старейшины ему показались абсурдными:

– Ох уж эти туземцы. Жили в темноте и продолжают жить в нём. Им не видать цивилизации как своих ушей. Пустыня – вот их жизненный удел. Их верования – сплошной туман и первобытный век...

В этот момент к ним подошёл Саид. Он был всё в той же одежде – длинная песочного цвета накидка, тюрбан, из-под которого выбивались короткие жёсткие косички. На груди крест-накрест висел патронташ, в руках он держал старую, но ухоженную винтовку; сабля висела у бедра. По походке было видно: это не слуга, а воин, привыкший полагаться только на себя.

– Я готов, – коротко сказал он.

Майор с удивлением посмотрел на африканца, приподнял бровь под очками: чего ему нужно?

Жан поспешил пояснить:

– Это наш проводник.

– Проводник? – скривился офицер. – Зачем нам проводник? У вас же есть приборы... И у меня тридцать легионеров, которые без оружия расправятся с сотней партизан...

Саид не шелохнулся, словно не услышал презрительных слов. Но уголки его губ чуть дрогнули, и взгляд стал тяжелым, как песчаная буря, готовая сорваться с горизонта. Он стоял прямо, плечи расправлены, голова чуть приподнята; в этой позе не было ни заискивания, ни покорности – только сдержанное достоинство и скрытая ярость. Черные, как обсидиан, глаза глядели на майора спокойно и холодно, будто оценивая не человека, а кусок пустыни, который можно пересечь, но невозможно изменить.

Руки его лежали на ремне винтовки так естественно, словно оружие было продолжением тела. Казалось, ещё миг – и он ухмыльнется, произнесёт что-то резкое, но Саид лишь слегка повёл плечом, как бы стряхивая пыль с накидки. Это был тот жест, который бедуины делали, когда хотели показать: «Я выше слов, но всё запомнил».

Ветер поднял крошечный вихрь песка у его ног, зашуршал в складках одежды, словно подчеркивая молчаливое напряжение. В этом молчании чувствовалась сила – не бравада наёмника, а уверенность человека, которому пустыня роднее любого оружия и который знает: даже тридцать легионеров в ней – не хозяева.

Француз с досадой махнул рукой:

– Приборы регистрируют общий биологический фон, а не конкретную особь. Этот человек встречался со сцерецпами, знает, где их можно встретить...

– А-а-а... – протянул майор, с подозрением рассматривая Саида. В его взгляде читалась привычная настороженность: для него любой местный – потенциальный враг. Вчерашний крестьянин или торговец мог ночью превратиться в моджахеда, напасть из засады, а наутро снова торговать пряностями. Майор не раз видел на обочинах дороги высохшие головы доверчивых легионеров, насаженные на колья – молчаливые памятники легкомыслию и ярости этих земель. Эта память въелась в него и сделала подозрительным, грубым и жестким.

Через полчаса все было готово. Биолог подошёл к оборудованию – это были тяжёлые серые термостаты на широких рёбрах-опорах, с мигающими зелёными индикаторами и тихим гулом компрессоров. Внутри, за герметичными дверцами с толстой прозрачной пластиной, в замороженном состоянии лежали куски верблюжьего мяса и конины, аккуратно уложенные в металлические лотки, словно трофеи на витрине. Жан проверил температурные показатели, прислушался к работе агрегатов и, удовлетворённо кивнув, вернулся к машине.

Тем временем коллеги установили на первый «джип» два небольших прибора с антеннами, похожими на пучки сухих трав, а ещё два закрепили на бронетранспортёре прямо рядом с крупнокалиберным пулемётом. Там же разместились и солдаты, ругаясь сквозь зубы на солнце, пыль, проклятый климат и местных, которые, по их словам, «дышат злобой».

Жан, Саид и майор уселись в переднюю легковую машину, за рулём которой сидел тот самый рыжеволосый сержант.

– Давай, поехали, – приказал майор, и «джип» дёрнулся с места. Колёса разрезали песок, подняв столбы мелкой, как мука, пыли. Мотор натужно гудел, обжигаемый солнцем капот дрожал, а стёкла тут же покрылись налётом золотистого песка. За ним, чадя моторами, двинулись бронетранспортёры. Металлическая клетка, закреплённая на последней машине, скрежетала и звенела, словно железный зверь, и этот скрежет отдавался в ушах.

Ни один бедуин не бросился вслед, не махнул рукой – люди молча стояли, с прищуром провожая колонну, пока та не растворилась за линией барханов. Остался лишь второй «джип» с двумя солдатами и палатка трёх учёных.

Старейшина, глядя на уходящую экспедицию, приказал соплеменникам возвращаться к обычным делам. Сам же с несколькими мужчинами направился на скотный рынок в Баригу: деньги, полученные от Жана, он не собирался хранить мёртвым грузом. Как и любой бедуин, он считал настоящим богатством не бумагу, пусть и французского производства, а животных. Верблюды – это пища, транспорт, торговля, жизнь, и чем больше их у племени, тем крепче оно стоит на ногах.

Между тем, экспедиция продвигалась на юг. Пейзаж постепенно становился всё более однообразным: бархан за барханом, серо-жёлтая волна пустыни, по которой с глухим рычанием ползла колонна. Саид, сидя рядом с сержантом, поднимал руку и показывал направление, будто читал карту в самом песке: по линии барханов, по цвету и запаху ветра, по знакам, известным лишь ему. Майор, чертыхаясь, сверялся с спутниковой картой – прямыми линиями и холодными цифрами, которые здесь, в зыбкой пустыне, теряли смысл. Жан, не отрываясь, следил

за показаниями приборов, и стрелки на экранах тихо подрагивали, намекая: где-то здесь, среди этого безмолвного моря, шевелится то, ради чего они приехали.

Жара становилась всё сильнее и сильнее. Солнце над пустыней висело, как расплавленный медный диск, тяжёлый и безжалостный, будто гигантская печь. Казалось, что если прямо на капот «джипа» разбить яйцо, то через минуту получится яичница с хрустящей корочкой: металл шипел, раскаляясь до белого, воздух дрожал густыми волнами, а песок, отражая свет, пылал изнутри, как тлеющий уголь.

Но никто о еде не думал. Люди молча доставали из холодильных ящиков бутылки с «колой», с хрипом открывали крышки и заливали жидкость в пересохшие горла. Питьё охлаждало только на миг, но облегчения не приносило: пот ручьями стекал по лицам, впитывался в ткань камуфляжа, оставляя солёные разводы. Майор уже снял серый берет, расстегнул воротник, вытирая шею платком. Жан, не выдержав, стянул куртку, обнажив потный, липнувший к телу хлопок. Лишь сержант молча крутил руль, поджав губы, а африканец, привычный к палящему воздуху, напряжённо всматривался вперёд, сжимая винтовку, будто это придавало ему сосредоточенности.

На бронетранспортёрах солдаты шепотом ругались: раскалённый металл жёг сквозь одежду, даже толстые подошвы ботинок начинали плавиться, как воск. Прикоснуться к гашетке пулемёта означало риск получить ожог; стволы оружия казались горячими углями. Даже агрегат, поддерживающий циркуляцию фреона и холод в контейнере с мясом, натужно гудел, срываясь на дребезг – ещё пара часов под таким солнцем, и клапаны разлетятся, превратив холодильник в бесполезный ящик.

Через час бесконечной поездки майор, совершенно взмокший и раздражённый, не выдержал:

– Ну, и где? Есть что-то? Может, мы едем не туда?

Жан, напротив, выглядел удовлетворённым.

– Здесь что-то есть. Смотрите, как стрелки прыгают на циферблатах, – он показал на прибор: на узких шкалах металлические стрелочки нервно дёргались, словно кто-то толкал их снизу, и уже вползали из жёлтой зоны в красную, будто загоралась невидимая тревога. – Датчики фиксируют биологическую активность.

– И где же сцерцепы?

– Они под землёй. Я считаю, что сцерцепы живут в толще песка, как кроты: там и добывают пищу, и, скорее всего, воду.

– Вода в пустыне? – недоверчиво приподнял брови майор.

Теперь удивлённо посмотрел Жан:

– Конечно. На глубине сотни метров есть подземные стоки. Скорее всего, сцерцепы опускаются к ним. Возможно, там полно и пищи. Правда, мы пока не знаем, чем они питаются. Поэтому я и приказал вам взять тонну свежего мяса – это наша приманка.

– Если под землёй им так хорошо, то зачем им подниматься вверх? – раздражённо бросил майор. – Мы что, будем бурить скважину, а потом кричать: «Ау, мы тут, не хотите ли нас сожрать?»

Саид всё это слушал молча. Он не вмешивался, но на лице его лежала тень скепсиса. Для него эта затея выглядела бессмысленной. Он видел, как французы – люди дисциплины и приборов – рассчитывают без труда поймать то, что, по его вере, сотворено демоном. Они не понимали, в какую опасную игру вступают. В их словах звучала уверенность, в их взглядах – нетерпение, но Саид знал: тот, кто берёт в руки творение нечистой силы, сам становится частью её. Сцерцепы не созданы Всевышним; они – отпрыски свергнутого ангела, и пустыня только кажется мёртвой. На самом деле она дышит, слушает и ждёт.

Пустыня, казалось, сама наблюдала за ними. Барханы, раскалённые солнцем, стояли неподвижно, словно исполины с каменными лицами, следя за каждым движением экспедиции.

Ветер шевелил песок едва заметными потоками, и казалось, что это шепот пустыни, тихий, но полный предупреждения: «Здесь не люди хозяева».

Жара и свет создавали иллюзию, будто пространство дрожит, а барханы меняют форму – и эти движения выглядели почти живыми. Каждая тень казалась глазом, каждая расщелина – пастью, готовой поглотить неосторожного. Пустыня была пустой только на первый взгляд; под поверхностью где-то, глубоко в песках, дремали сцерепы, и Саид это чувствовал. Он видел не приборы, а саму жизнь, затаившуюся в толще песка: мелкие сдвиги, едва слышные щёлкания, вибрации, которые предупреждали о присутствии чего-то огромного и опасного.

Даже машины и бронетранспортеры казались ей чужеродными: их гул и тряска нарушали гармонию пустыни, и она, будто живое существо, реагировала. Песок мелкими волнами поднимался у колес, оставляя после себя следы, которые казались кровавыми, хотя это был обычный световой обман. Солнце отражалось от металлических поверхностей, ослепляя и терзая глаза, как будто пустыня сама играла с ними, испытывала на смелость.

Саид крепко держал винтовку, его взгляд сканировал пространство перед машиной, и он ощущал: здесь каждая песчинка наблюдает, каждый бархан хранит тайну. Пустыня знала, кто пришёл, и ждала, когда слабый или неосторожный станет добычей, растворится в её раскалённом теле. Французы видели только песок, солнце и приборы – но для Саида сама пустыня дышала, и дыхание её было тяжёлым, горячим, острым, как клинок, который может срезать жизнь в любой момент.

У Жана был ответ на этот вопрос:

– Из рассказов местных жителей, из легенд явствовало, что сцерепы поднимаются после землетрясения. Скорее всего, тектонические сдвиги вносят помехи в геомагнитные поля, по которым ориентируются сцерепы. Ведь под землей не нужны глаза, обоняние, слух, и только по магнитным амплитудам эти животные ориентируются и улавливают сигналы других организмов. Так вот, после толчков изменяется магнитное поле, и ошарашенные сцерепы теряют ориентацию, выползают на поверхность. И это продолжается до тех пор, пока поле не восстановится, и можно будет опять двигаться в нужном направлении. А пока они на поверхности Эску, и если рядом есть живые, то их сразу фиксируют рецепторы, и сцерепа осуществляет атаку.

Этот ответ с одной стороны вносил ясность, а с другой создавал новые вопросы. Майор с интересом и настороженностью всматривался в Жана, собираясь осмыслить услышанное. Сержант, за рулём «джипа», сжимал руль, напряженно прислушиваясь к разговору, а Саид сидел неподвижно, сжимая винтовку и сдерживая эмоции, понимая, что любая ошибка здесь может стоить жизни.

– Я не понял, мы будем сидеть в этой чертовой дыре до землетрясения? – изумился майор, обливая бритую голову водой из пластиковой бутылки. Пот стекал по шее, смешиваясь с песком, который поднимался от движения техники. – Это же сколько дней, если не месяцев надо ждать...

Вопрос не застал француза врасплох: он давно готовил ответ.

– Вы же принесли с собой заряды? Это было одно из обязательств военного ведомства...

– Конечно, как вы и просили – десять стокилограммовых бомб от «Миражей», только кого вы планируете бомбить? Эти барханы? – офицер махнул рукой на окружающий пустынный мир, где не было ни кустика, ни единого признака жизни. – Хотите змей и жуков раздавить?

– Я бы попросил атомный заряд – от него было бы больше проку, но кто мне его даст?

– Уж точно – не дадут, – усмехнулся майор, – никто не станет завозить в Африку атомную бомбу, в этом я вас уверяю на сто процентов.

– Вот-вот, – кивнул Жан, – поэтому я провел расчеты со своими коллегами, – махнул рукой назад, на спутников, – и мы пришли к выводу, что десяти авиационных бомб должно

хватить для нашей цели... Мы устроим подрыв этих зарядов. Мощность взрыва будет достаточной, чтобы нарушить сейсмичность одного небольшого участка и изменить на время магнитное поле. Я просил проводника Саида указать место первой встречи со сцерцепом. Тогда мы сможем определить ареал их скопления и бить точно.

Ответ понравился майору. В его глазах мелькнул огонь – термины «бомбардировка», «заряд», «удар» возбуждали воображение офицера, он мысленно прокручивал операции, представляя, как техника поражает цель. Саид же продолжал молчать, лишь рукой показывая направление водителю-сержанту, прислушиваясь к каждому слову.

– Как вы намерены поймать сцерцепов? – голос Саида был глухим и ровным, без тени эмоции, сдержанным и холодным, словно предупреждение.

Майор сначала посмотрел на проводника с недоумением: «Твоё мнение никого не интересует...», но быстро осознал, что вопрос правильный. Снова обратился к Жану:

– Да, кстати, как вы их поймаете? Мы же не на львов охотимся...

Жан медленно выпил «колу», бросил бутылку через окно – проблема экологии его не волновала – и с лёгкой раздражённой интонацией продолжил, словно ему противно было объяснять элементарные вещи «неандертальцам»:

– Мясо... Я поэтому сказал привезти вам эти продукты... Сцерцепы вылезут на поверхность и начнут жрать мясо... Мы, во-первых, накачаем мясо снотворными. Во-вторых, в тех ящиках, что вы привезли, находятся пули с паралитическими веществами – их хватит, чтобы усыпить или обездвижить сто слонов.

Майор слегка скривился, поглаживая подбородок, впитывая слова Жана, обдумывая каждый нюанс. Сержант напрягся, глаза устремлены вперед, следя за дорогой и техникой. Саид продолжал внимательно наблюдать, понимая, что эта охота – не просто научный эксперимент, а смертельно опасная игра с созданием демона.

Металл бронетранспортеров раскалялся под солнцем, отдавая жар, воздух дрожал, песок «дымился» от нагрева, каждый вдох был тяжёлым, смешанным с ароматом разогретого масла и металла. Каждый взгляд, каждое движение – напряжённые и выверенные. Саид знал: тот, кто берёт в руки творение нечистой силы, становится её частью, и сцерцепы созданы не Всевышним, а свергнутым ангелом.

В этот момент майор с некоторым недоверием посмотрел на ящики, что стояли в багажнике «джипа». Они прибыли с базы из Парижа, без каких-либо пояснений о предназначении. Офицера это сильно задело: его воинская гордость не позволяла получать распоряжения, в которых он не понимает сути. Однако вскрывать ящики он не стал – воинская честь строго запрещала подрывать доверие к приказу, даже если его сердце било тревогу. Его взгляд скользнул по темным металлическим крышкам, как будто пытаясь прочесть их без слов.

– Вы уверены в эффективности этих пуль? – спросил майор, сжав губы и держа пальцы на краю сиденья, готовый в любой момент взяться за оружие.

– Конечно, – ответил Жан спокойно, уверенность в голосе резала воздух. – А как вы думаете? Мы такими пулями усыпили не одно животное – бегемотов, питонов, крокодилов, слонов. Уверен, что у сцерцепов схожий с другими земными животными метаболизм, иначе бы они не жрали мясо... А значит, у них есть нервная система, на которую можно оказать воздействие химическими реагентами. Думаю, что мы успеем их парализовать до того, как они начнут поражать нас своим оружием...

Вспоминание об оружии чудовищ заставило всех вздрогнуть. Каждый чувствовал напряжение, словно невидимые молнии пробегали по телу. Саид невольно сжал рукоять винтовки, и воспоминания нахлынули на него с силой ужаса: сцерцеп раздирал его лошадь, кровь брызгала на песок, когти разрывали плоть, а адская сила, исходящая от животного, казалось, была направлена прямо на его тело. Каждая клетка организма готова была взорваться, мозг – лопнуть в черепе, а глаза выкатиться наружу от боли и ужаса. Водитель «джипа», почувствовав эту

атмосферу, нервно глянул на офицера; он помнил двух пилотов вертолета, что еле добрались до базы, пережив столкновение с энергией чудовища.

– А почему вы думаете, что сцерепы не нападут на нас? – осторожно спросил рыжеволосый сержант, сжимая руль, плечи напряжены, глаза внимательно сканируют горизонт. – Почему вы думаете, что мясо им покажется вкуснее, чем мы?

Жан успокаивающе хлопнул его по плечу:

– Не дрейфь, я это тоже предусмотрел... Мы будем находиться на машинах, броня отражает электромагнитные импульсы, поэтому чудовища нас могут не заметить. А потом, работающие моторы создают сами помехи в электромагнитном диапазоне, что будет сбивать сцерепов с толку – они не сумеют уловить биополе наших организмов... А далее всё зависит от ваших стрелков... Надеюсь, майор, вы взяли не очкариков?

Майор нахмурился, слегка обидевшись:

– У меня служат только самые лучшие солдаты. Я взял снайперов, которые за сто шагов поразят муху в полете...

– Тогда я спокоен, – кивнул Жан. – Мы парализуем чудовищ, положим двоих в морозильник, а одного оставим в клетке – нам нужен один живой. Потом доставим на базу, а оттуда на военно-транспортном самолете отправим в Институт палеобиологии.

Он замолчал на мгновение, мысленно погрузившись в свой триумф. Он видел себя в зале Института: профессура спешит к нему, руки пожимают его, улыбаются и благодарят за столь ценный экземпляр ранее неизвестного животного. Глаза ученого блестели от воображаемого успеха, сердце забило чаще, как будто уже слышал аплодисменты, шорох папок и взволнованные голоса коллег.

Жара пустыни, палящая с утра, вернула его на землю. Пыль смешалась с потом, ветер поднимал песчинки в глаза, а солнце жарило кожу до боли, напоминая, что реальность далека от его фантазий.

Так он мечтал несколько минут, пока жара не вернула его с небес в пустыню.

– Так еще долго нам ехать? – обратился Жан к проводнику.

В этот момент Саид спокойно сказал:

– Уже приехали...

Все с недоверием посмотрели на него.

– Ты уверен? – переспросил майор, привычно не доверяя словам туземцев.

Африканец указал рукой на огромный валун, который возвышался из песка, словно древняя крепость среди барханов. Камень был черным, с резкими гранями, наполовину погружен в песок, с трещинами, по которым ветер вбивал горячие песчинки, а солнце отражалось от поверхности белесыми бликами.

– Тогда я прошел этот камень, а через три минуты было землетрясение. Потом появился сцереп. Так что это здесь было...

– Стоп! – крикнул Жан, и сержант ударил по тормозу. «Джип» остановился мгновенно, как вскопанная земля, с глухим скрежетом и подергиванием колес. Вслед за ним затормозили бронетранспортеры, их массивные гусеницы оставили глубокие борозды в песке. Солдаты выглянули наружу, щурясь от солнца и пыли, и начали ругаться, перебрасываясь словами на французском: «Merde! Putain de chaleur!» – «Fils de... quelle horreur!»

Майор выскочил из машины и огляделся. Горизонт пылал горячим воздухом, словно весь мир расплавился в огненной зыби. Песок под ногами казался раскаленной жаровней. Через несколько минут жара проникла сквозь подошвы обуви, и подошвы «ботинок» начали буквально подгорать. Офицеру пришлось подпрыгивать на месте, чтобы хоть как-то избежать ожогов и удержать равновесие на зыбкой поверхности.

– Если так будет продолжаться, то резина на колесах расплавится, – недовольно произнес он, разглядывая треснувшие покрышки «джипа». – И мы не сможем отсюда уехать...

– Поэтому нам следует действовать быстрее, – сказал Жан, тоже выходя из машины. Вслед за ним выпрыгнули Саид и сержант.

Для Саида это была привычная среда, в которой он ощущал себя уверенно, а европейцы мучились, едва перенося палящее солнце. Он наблюдал, как солдаты, ругаясь, разгружали бомбы с бронетранспортеров, расставляли их на десятиметровом круге друг от друга, подсовывали провода к динамо-машине. Стоило покрутить ручку и нажать рычаг – и сотни тонн песка поднимаются в воздух, ударной волной сшибая тех, кто останется стоять, а земля затрясется, образуя глубокую воронку, которая через пару часов вновь засыплется песком.

Пока военные готовили взрыв, двое ученых открывали морозильник и доставали мясо. Оно едва оставалось холодным, так как агрегат не справлялся с жарой пустыни. Впрочем, людей это мало волновало: мясо предназначалось не для них, а для сцерецов.

– Нужно сложить их одной грудой здесь, – сказал Жюль. – Но так, чтобы при взрыве песком не засыпало.

Они аккуратно скидывали мясо с клетки на песок. Льдинки и вода мгновенно испарялись, и через час куски мяса превратились бы в запеченные под солнечными лучами, жар которых был не хуже печи.

Саид подошел и внимательно осмотрел морозильник и клетку – они были сделаны добротно, на совесть. Но африканец не был уверен, что удастся поймать этих тварей и поместить в клетку. Его тревожила мысль, и он подошел к Жану, который, открыв ящики, доставал патроны с парализующим веществом. Рядом лежали пять винтовок, готовых к стрельбе этим необычным боеприпасом.

По приказу майора пять стрелков подошли к Жану и взяли по стволу. Хотя раньше им не приходилось стрелять из подобных систем, это не смущало их: огнестрельное оружие одинаково по принципу действия. Они зарядили магазины, прицелились, подгоняя приклад и оптический прицел под свои физические параметры, проверяя устойчивость и удобство хватки.

Саид доверял только своему ружью и сабле. Он сказал:

– Я часто бывал в Эску, и мне порой попадались мертвые животные – лошади, бараны, быки и верблюды – это те, что отстали от караванов или стада, заблудились. Так вот, не все были обглоданы, многие просто иссушились, мумифицировались...

– И что? – подошел майор, пот градом стекал по щекам и затылку, вся майка была насквозь мокрая, тело истощенно от жары. Его лицо покраснело от зноя, глаза щурились, а дыхание стало тяжёлым и прерывистым. Он казался почти расплавленным под солнцем, но гордость офицера не позволяла показать слабость.

Жан тоже вопросительно уставился на проводника: что этим ты хотел сказать?

Тот пояснил:

– Сцерецы не едят мертвечину. Им нужна живая плоть...

Майор ничего не понял и обратился к биологу:

– Что он говорит?

– То, что сцерецов не заинтересует наше мясо-приманка, они будут охотиться на нас...

На это офицер, хмыкнув, сказал:

– Тогда они получают горячий свинец. Мои пулеметы изрешетят любое чудовище. Это даже позабавит нас. Будем считать себя ловцами на сцерецов...

– Но нам нужен живой... – хотел было сказать Жан, но майор сердито прервал его:

– Если что-то будет угрожать жизни моим людям, я расстреляю все, что выползет из-под песка. Да, безусловно, мы постараемся взять их живыми. Однако я не гарантирую, что в ином случае не применю пулеметы против них...

Жан вздохнул и махнул рукой. По опыту он знал: спорить с военными порой бесполезно, их аргументы измеряются в тоннах металла и мощности оружия, а не в логике и осторожности. Он понимал, что здесь решает не ум, а сила.

Тем временем все приготовления к охоте были завершены: мясо аккуратно уложено у валуна, бомбы врыты в землю на ста метрах дальше, к ним подведены шнуры, по которым должен пройти электрический сигнал. Песок вокруг был аккуратно разглажен, чтобы ничто не мешало взрыву, а бронетранспортеры стояли на безопасном расстоянии, обеспечивая укрытие для людей. Сержант отогнал «джип» подальше и остался в кабине вместе с другими.

Часы показывали двенадцать дня. Майор, нетерпеливый и уверенный в своем решении, махнул рукой. Сидевший в бронетранспортере подрывник начал медленно вращать ручку динамо-машины, а затем резко нажал на рычаг. Менее чем через секунду земля затряслась, как будто дыхание самой пустыни вдруг стало осязаемым.

На десятки метров в небо взметнулся песок, мгновенно скрыв солнце за плотной пылевой завесой. Воздух дрожал от ударной волны, и мощный гул, похожий на рев огромного зверя, ударил по ушам, едва не разорвав перепонки, заставляя в груди вибрировать каждую клетку. Сильный напор воздуха подхватил песчинки и мелкий гравий, ударяя по броне, как тысячами невидимых молотков.

Жан непроизвольно пригнулся, стараясь защитить лицо от песка, но в его глазах блеснула азартная искра – такие моменты были для него частью работы и ощущения собственной значимости. Майор же, напротив, весело захохотал, словно детский восторг смешался с воинской привычкой к разрушению: в его жилах жила война, и рев, грохот, вибрации и оглушительные звуки будоражили его чувства.

Не шелохнулся и Саид – привыкший к жестоким реалиям Эску, он знал, что взрывы и шум не причинят ему вреда. Лишь сержант-водитель поморщился, сжимая руль, ощущая, как гул ударной волны дрожит в груди, а пыль и песок забиваются в глаза, рот и нос.

Сидевшие на бронетранспортере ученые прильнули к приборам. Осциллографы ярко моргали, показывая колебания магнитного поля – линии поднимались, падали, извивались, словно живые, реагируя на что-то невидимое под песком. Другие датчики запищали, издавая резкие электронные сигналы, фиксируя нарастающее присутствие биологической активности. На экранах мигали индикаторы, показывая, что под землей что-то шевелится, движется, собирается к поверхности, и это движение было синхронным, организованным, почти разумным.

– Началось! – закричал один из ученых, глаза расширились от волнения. – Началось! Они идут!

Майор прильнул к ветровому окну и на крайний случай достал «Вальтер», сжимая ствол в ладони. Жан спрыгнул с кабины, не дожидаясь, пока осядет поднятый взрывом столб песка. Он напряженно вглядывался в окружающее пространство, оценивая каждый бархан, каждое мелкое колебание поверхности. Одновременно снайперы выдвинули свои стволы, патронники были загружены пулями с парализующими наконечниками, а расчет крупнокалиберных пулеметов принял позицию – все готово.

Все напряженно ждали.

И долго ждать не пришлось. Сначала зашевелился один бархан – в точке, где песок был плотнее. Из него медленно, словно выверясь, вылез тонкий красноватый прут, который колебался во все стороны, будто ищущий равновесие. Но ветра не было – движение исходило изнутри. Затем показались массивные, покрытые твердым панцирем члены с острыми когтями, их форма напоминала одновременно щупальца и конечности.

– Ох... – выдохнули все, не в силах скрыть волнения.

Еще мгновение – и из песка полностью выползло тело: плоское, с прутьями, членами и хоботками, одновременно напоминающее таракана, спрута и гигантского краба. Оно достигало трех метров в длину, панцирь был розово-коричневый, блестящий, словно влажный, а каждая секция корпуса двигалась независимо, создавая жуткую иллюзию, что существо расползается по песку. Круглая челюсть была усыпана гигантскими клыками, с которыми можно было разорвать лошадь на куски одним движением. Еще мгновение – и от существа ударил

смердный запах, резкий, гнилостный, такой, что заставлял рефлекторно зажмуривать глаза и делать усилие, чтобы не вырвало.

– Неужели только один? – прошептал Жан, поднимая руку в знак «не стрелять», чтобы не спугнуть остальных. Саид тихо поднял винтовку, однако сержант тронул его за плечо – приказа стрелять пока не было.

Приборы фиксировали множественную активность под землей. Ученые, бледные от напряжения, крутили настройки датчиков, пытаясь определить количество чудовищ. И постепенно из песка вылезали новые сцерцепы – один за другим, от полуметра до пяти метров в длину, одинаковые по цвету, одинаково зловонные. Чудища нервно перебирали своими членами, словно подыскивая жертву.

Как и было заранее рассчитано, моторы бронетранспортеров продолжали работать – шум и вибрация создавали хаотические электромагнитные помехи. Сцерцепы чувствовали присутствие кого-то рядом, но не могли определить, кто именно, и где находится – их движения становились более осторожными, а нервные шевеления конечностей – быстрее и судорожнее, словно звери, напуганные невидимой ловушкой.

– Пора, чего медлите! – прошипел майор, приподняв бинокль к глазам. Он успел пересчитать сцерцепов: пятнадцать штук, каждый с извивающимся телом, когтями, щупальцами и розово-коричневым блестящим панцирем. «Неплохой улов», – подумал офицер, не скрывая удовлетворения.

Жан почувствовал, что медлить дальше бессмысленно. Запах мяса чудовища, похоже, не волновал – куски лежали всего в семи метрах от ближайшего сцерцепа. «Может, Саид прав, – мелькнула мысль у француза, – они охотятся на живую плоть?» – и он махнул рукой, подавая сигнал стрелкам.

Те без промедления открыли огонь. Каждый стрелок выпустил не менее пяти пуль с парализующими наконечниками. Одной такой пули обычно хватало, чтобы через несколько секунд усыпить быка или крокодила. Но сцерцепы, по-видимому, обладали иным метаболизмом: пули пробивали панцирь, щелкали о твердые сегменты, но парализующего эффекта почти не было.

Чудища начали метаться по песку, их щупальца и конечности извивались, когти царапали песок, оставляя глубокие следы. Они кружились, пытались опознать врага, шевеля членами и хоботками, дыша с громким свистом, запах их тела усиливался, резкий и гнилостный. Впервые охотники сами оказались в роли добычи, и сцерецпы, словно обиженные на несправедливость мира, издавали жалобные скребущие и шуршащие звуки.

– Давайте, братки, давайте, запустите в них все пули! – завопил майор, хохоча. Его глаза сверкали азартом охотника. Охота казалась ему азартной и забавной: невероятные существа, почти из мифа, бегали вокруг, пытаюсь понять, кто на них напал.

Жан напрягся, сжимая пальцы на краю капота: чудища не успокаивались, не падали, не останавливались. Парализующие вещества, по логике, должны были действовать, но прошло уже полминуты – сцерецпы лишь проявляли все больше нервозности, ускоряя движения, шевеля членами, обнюхивая воздух, пытаюсь вычислить источник выстрелов.

– Что-то у вас не сработало тут, – с тревогой произнес сержант, глаза его расширились, а руки нервно сжали рулевое колесо. Он ощутил, как напряжение растет с каждой секундой: чудовища двигались быстро, их движения становились непредсказуемыми, а собственная броня казалась слишком хрупкой, чтобы защитит от этих невидимых импульсов.

Видимо, такого мнения были и солдаты: все разом вскакивали из-за бронетранспортеров, автоматы наводились на сцену перед ними, пальцы напрягались на спусковых крючках. Майор нахмурился, поворачиваясь к Жану. Он хотел спросить, почему его «волшебные» пули не действуют, но биолог не мог ответить: он просто не знал. Теория рушилась на глазах. Сцерецпы, видимые во всей своей устрашающей массе, не вписывались в рамки привычной охоты. Жан, привыкший к слонам, бегемотам и крокодилам, не знал, как действовать сейчас – прошлый опыт не давал подсказки.

И вдруг всё изменилось. Сцерецпы резко остановились. Их туловища приподнялись, сегменты расступились, и на верхушках тел у каждого распустился что-то вроде огромного биологического «цветка». Одновременно в воздух ударил низкий, гулкий звук, который пробирал до костей. Это был инфразвук – колебания ниже порога человеческого слуха, которые воздействуют на внутреннее ухо и вызывают тошноту, головокружение, ощущение давления в груди. Воздух казался тяжелым, дыхание перехватывало, кровь прилиwała к лицу, сердце стучало с угрозой остановки.

Цветки на панцире – органы, биологическое оружие сцерецпов. Они излучали инфразвуковые импульсы, которые одновременно парализовали и дезориентировали жертву. Саид, испытал это вновь, сжался, прикусив кончик платка, ощущая напряжение мышц и резкое жжение в легких. Остальные солдаты хватались за головы, дёргали воротники, пытаюсь глотнуть воздуха, но их дыхание становилось прерывистым, легкие горели, сознание мутнело, ноги подкашивались.

– А-а-а! – хрипели они, падая с бронетранспортеров на раскаленный песок. Автоматы вылетали из рук, тела катились по поверхности, теперь находясь в зоне действия хищников. Сцерецпы мгновенно рванули вперед, щупальца извивались и хватали солдат, словно живые клыки. Хоботки впивались в мягкие ткани, высасывая органы и мышцы, оставляя на песке обглоданные останки.

Челюсти чудищ, больше похожие на циркульные пилы, с хрустом разрезали тела, разрывая их на куски. Писк и скрежет исходили от панциря, но это был не просто звук – это был визг удовольствия, их пир. Сцерецпы, одновременно излучая инфразвук, усиливали действие оружия, держали жертв в состоянии беспомощности. Ученые на бронетранспортере не выдержали: инфразвук ударил по внутреннему уху, тело обессилело, глаза закатились – и они потеряли сознание, опустившись в кабины, где их тела валялись неподвижно, словно куклы.

Жан и майор тоже схватились за головы и кричали, пытаюсь перекричать гул инфразвука, который сотрясал внутренние органы и заставлял кровь пульсировать в висках. К «джипу»

стремительно приближались три сцерепа: длинные тела с панцирями розово-коричневого оттенка, сегменты которых извивались, словно огромные змеи, а каждый «цветок» на верхушках туловищ издавал низкий гул, парализующий волю и физические реакции. Щупальца нервно дергались, хоботки вращались, как живые пилы, а челюсти-пилы скрежетали, готовые разрезать всё на своем пути.

Превозмогая боль, Саид вскинул винтовку и стал стрелять. Щелкающие выстрелы, рикошеты и раскаты разрывов внезапно вернули в чувство одного из солдат, который в панике развернул пулемет и открыл беспорядочный огонь. Бурунчики разрывов рвались по барханам, взметая облака песка, оставляя после себя мелкие кратеры, и посылая тучи горячего воздуха в лицо окружающим.

Одна очередь прошла насквозь сцерепа, который уже почти добрался до «джипа». Его тело содрогнулось, куски мяса разлетелись во все стороны, и фонтаном забила желтая кровь из ран. Панцирь треснул, щупальца свисали безжизненно, чудовище рухнуло на песок, оставляя ужасный запах и липкую лужу крови.

Майор тоже пытался стрелять, но мутило и тошнило, сознание меркло от инфразвука. Он дрожащими руками вскинул «вальтер» и выстрелил – пули размазали голову Жана, стоявшего рядом. Француз повалился на землю, но не успел коснуться песка: второй сцерепа мгновенно схватил его массивными членами, пропустил через челюсть-пилу. Кровь брызнула на крышу «джипа», оставляя алые полосы и пятна, смешавшиеся с песком и пылью.

Сержант судорожно пытался задвинуть ручку переключения скоростей, но рычаг заел, металл скрипел, а мотор натужно гудел, словно протестуя против давления педали. – «Бежать, надо бежать!» – шептал он, но машина стояла неподвижно, прилипшая к раскаленному песку, словно поглощённая самим солнцем.

Сцерепы ринулись на бронетранспортеры. Они доставали людей из кабин, как птицы чистят орехи, вытаскивая тела, ломая конечности и сдавливая грудные клетки, высасывая мягкие ткани своими хоботками и щупальцами. Пулеметные очереди пробивали панцири некоторых чудовищ, убивая единичных, но уже ничто не могло спасти тех, кто был под воздействием инфразвука. Нервные окончания лопались, мышцы отказывались слушаться, человек становился безвольным, как тряпичная кукла, легкой добычей хищника. Осознание неизбежной смерти в пасти сцерепов лишь усиливало ужас.

Саид понимал: если не выберется отсюда сейчас, он погибнет. Но тело почти не слушалось. Он собрал последние силы воли и выскочил из «джипа», бегом направляясь не прочь от бойни, а к клетке. Сердце колотилось, легкие горели, но внутренний инстинкт подсказывал, где искать спасение. Его взгляд выхватил холодильник, где хранилось мясо – приманка для сцерепов.

Африканец прыгнул в ледяную камеру, охватившую его тело холодом, и сразу потерял сознание. Лёд обволок его как кокон, сжимая мышцы, охватывая все ощущения, и единственное, что он понимал – на время здесь он был вне досягаемости чудовищ, их инфразвука и смертельных щупалец.

Сцерепы, оставшиеся на песке, тут же почуяли запах свежего мяса. Их щупальца извивались, словно змеи, поднимая песок и пыль в облака, а хоботки тянулись к грудой мяса, вонзив свои пилящие кончики в куски. Один из них, длиной почти пять метров, с усилием вдавил когти в песок, продвигаясь к добыче. Ярко-розовые «цветы» на его туловище слегка закрылись, как будто на мгновение притихли, прекращая инфразвук, чтобы сосредоточиться на цели.

Механизм охоты был удивительно точным. Сцерепы перемещались с аккуратностью, которой не обладал ни один хищник Земли: каждый шаг, каждое движение щупалец и хоботка было рассчитано. Они осторожно обходили «джип», не прикасаясь к замороженному холодильнику, но направление движения сразу указывало на мясо. Песок хрустел под их когтями,

оставляя длинные полосы, а воздух наполнялся зловонным ароматом панциря и смрадным запахом инфразвукового органа.

...Старейшина сидел в своем шатре, облаченный в длинную белую джелабу, медленно курил кальян. Трубка шипела, дым клубился в полумраке, закручиваясь спиралью и медленно поднимаясь к потолку шатра, смешиваясь с ароматом табака и пряностей. В тени мягких складок ткани мерцали его глаза, внимательные и настороженные, как у человека, привыкшего к опасностям пустыни.

Вдруг вбежал мальчишка лет десяти, худой, с загорелой кожей и взъерошенными волосами, босиком, в оборванной рубашке. Его глаза были широко раскрыты от возбуждения, а голос дрожал от нетерпения.

– Саид вернулся, Саид! – закричал он, бросаясь к старейшине.

Бедуин вскочил и поспешил к выходу шатра. Уже опускался вечер, и длинная фигура воина, крепкая и подтянутая, словно выточенная из тёмного дерева, отливалась на фоне красно-оранжевого заката. Песок вокруг светился золотым светом, а его силуэт казался почти мифическим, словно древний защитник пустыни.

Дежурившие у «джипа» два солдата вскочили с сидений и побежали навстречу, но, достигнув его, замерли, ошарашенные.

Саид шагал к ним, вся его одежда была разорвана и измазана кровью; подраненные рукава и штанины болтались на нём, как тряпки, а волосы на голове поседели, словно молнией пронеслась седина. Лицо было иссохшее, в тёмных пятнах пыли и крови, но взгляд оставался твёрдым, непоколебимым. Он двигался медленно, но уверенно, держа в одной руке винтовку, а в другой – черный целлофановый пакет, тяжелый и скрипучий.

– Где майор? – испуганно спросил один из солдат, молодой парень с бритой головой, глаза которого метались, не в силах понять, что произошло.

Саид медленно раскрыл пакет и вытащил бритую голову майора. Она была в крови и песке, глаза закрыты, кожа бледная. Он бросил её на песок так, что она с глухим звуком ударилась о землю.

– Вот ваш командир! Это все, что осталось от него... – произнес он сухо, ровным голосом, словно сообщал простую фактологию.

– А остальные? – выдохнул второй солдат, уже почти парализованный ужасом, весь дрожал.

– От остальных даже голов не осталось, а руки-ноги я собирать не стал, – ответил Саид с хладнокровием.

– Кто их? – прозвучал следующий вопрос, хотя ответ всем был понятен.

Саид не стал ничего объяснять. Он просто передёрнул затвор винтовки, ствол блеснул на закатном солнце, и взгляд направился на солдата, словно напоминая о силе оружия.

– Я выполнил свое обещание – доставил ваших людей туда, куда они просили, – глухо произнёс он. – А то, что с ними произошло – это не моя забота. Теперь гоните мне вторую долю денег!

Солдат хотел возразить, но в бок ему ткнул товарищ, прижимая руку к плечу. Парень кивнул, словно говоря: «Оглянись». Вокруг стояли туземцы с винтовками и саблями; их темные глаза и суровые лица без всякой жалости смотрели на чужаков. Любое сопротивление могло обернуться мгновенной смертью – они могли в один момент превратить этих людей в мясной фарш. Солдат опустил глаза и тихо произнёс: «Ладно... заплатим».

– Да-да, конечно, – поспешно ответил первый, и заспешил к машине. Он вынул из портфеля пачки франков и передал дрожащей рукой их жене Саида. Потом оба солдата вспрыгнули в машину и завели двигатели. Они даже не стали собирать палатку и забирать приборы и вещи – все это бросили на произвол судьбы.

– Стойте, – остановил их старейшина, высокий, в белой джелабе, с кальяном в руках, дым из которого клубился вокруг, создавая легкую пелену. – Возьмите голову своего майора! Покажите её тем, кто захочет еще раз поохотиться на исчадий ада! Помните, что Аллах велик и справедлив, и только смелым им даруется и защищается жизнь. Ваши солдаты были не готовы к встрече со сцерепами и поэтому стали их обедом! Оставьте свои желания поймать этих чудищ...

Но солдаты уже скрылись вдаль по пустынной дороге. Племя молча наблюдало, как машина исчезла за горизонтом. Песок светился бледно-розовым в последних лучах заката, а тени камней растягивались на десятки метров. Никто не был уверен, что оставят их в покое, что новая экспедиция не вернется. Это понимал и Саид.

Он повернулся к жене, которая уже собирала их вещи: аккуратно сворачивала ковры и покрывала, складывала небольшие сундуки с домашней утварью, подтягивала веревками сумки и набивала их посудой и запасами. Лошадки и верблюды были привязаны рядом, тихо шурша песком. Саид помогал жене, проверяя, чтобы ничего не потерялось, поправлял ремни и седла, поглаживал животных, придавая движениям уверенности.

– Мы уходим, – сказал он старейшине, крепко сжимая поводья верблюда. – Ведь меня эти белые начнут разыскивать, могут обвинить в чем-то, ведь только я один остался в живых. Они станут требовать рассказа, что же произошло, и заставят вновь отправиться в Эску. Поэтому я собираю свой скарб и вместе с женой уйду на север, туда, где меня не так легко будет отыскать. Африка большая...

Старейшина благословил их, поднимая руку к небу, произнося тихую молитву. Он передал им пару крепких верблюдов, на которых уже взвалили сумки с утварью. Саид и супруга аккуратно влезли на животных, скользя седлами, словно на конях в танце, и направились в путь.

Рассвет только начинался. Пустыня была окутана мягким золотым светом, который переливался на барханах, окрашивая их вершины в оттенки розового и оранжевого. Туманной дымкой поднимался песок, а первые лучи солнца пробивались сквозь лёгкую пелену, заставляя её мерцать, словно тысячи маленьких огоньков. Пустыня оживала: далекий ветер поднимал колыхающиеся волны песка, и вдалеке виднелись очертания камней, похожие на стражей древних времен.

Бедуины махали им на прощание. Старейшина стоял прямо, как колонна, а вокруг него – племя, молча чествующее самого смелого воина. Их глаза были гордыми, полными уважения и тихого восхищения. Женщины кивали, мужчины поднимали руки, а дети подпрыгивали и топтали ногами. Саид, обернувшись, видел их силуэты на фоне первых солнечных лучей и понимал: он ушел не просто в пустыню – он ушел как герой племени, которого будут помнить.

...Саид направил верблюдов на север, и они медленно пробирались по барханам, оставляя за собой длинные следы на золотом песке. Пустыня утром казалась почти магической: воздух наполнялся прозрачной жарой, а легкий ветер колышет песок, заставляя вершины барханов мерцать, словно океанские волны.

Жена Саида крепко держалась за седло, глаза шурились от яркого солнца, волосы развеивались по ветру. Время от времени она оборачивалась, следя за дорогой позади и внимательно вслушиваясь в тишину, словно опасность могла появиться из ниоткуда. Саид шел впереди, уверенно ведя верблюдов, каждое движение выверено: он знал пустыню лучше любого карты.

Дорога была трудной. Мягкий песок проваливался под ногами верблюдов, колыхаясь волнами. Иногда приходилось обходить острые скалы и выжженные солнцем камни, под которыми прятались ядовитые змеи. Саид знал, как безопасно вести животных, переступая горячие участки, чтобы они не обожгли ноги.

С каждым шагом пустыня открывала свои тайны: где-то вдалеке виднелись оазисы, едва заметные зеленые пятна пальм, где вода пряталась под песком. Птицы срывались в воздух, взмывая с редких кустарников, и их крики звучали странно мелодично в утреннем пустынном просторе. Саид иногда останавливался, прислушиваясь к звукам – ветер, скрипы песка, отдаленные крики диких животных.

Солнце поднималось все выше, превращая песок в горячую печь. Саид время от времени подбрасывал воду для верблюдов, обмахивал их, а сам пытался не думать о жутких событиях в Эску. Его жена, чувствуя его напряжение, молча поддерживала его взглядом, обхватив руками седло.

Дорога становилась однообразной и изнуряющей, но Саид знал, что главное – сохранить силы и осторожность. Песчаные барханы и невидимые тропы скрывали опасности: ядовитых скорпионов, хищных птиц и, возможно, следы других экспедиций. Он учил жену, как держаться, как правильно наблюдать за горизонтом, как слушать шепот ветра, предсказывающего перемену направления песчаных волн.

На горизонте, далеко впереди, постепенно прорисовывались темные очертания гор. Они были их ориентиром: к северу, где никто не сможет быстро найти их среди бескрайних просторов пустыни. Свет утра растекался по барханам, создавая золотые и багровые переходы. Саид ощущал спокойствие: пустыня снова была его союзником, а он сам – её частью.

Ветер временами поднимал песчаную пыль, обвивая их лица, но Саид не сворачивал с курса. Он знал: каждый шаг отдаляет их от Эску, от ужасов сцерецов, от гибели его людей, и приближает к безопасному северу, к миру, где их никто не будет искать.

(23 марта – 4 апреля 1987 года, Ташкент.

Переработано 20 сентября 2025 года, Винтертур)

ХЛОПКОВЫЕ БУДНИ СТУДЕНТА ИЗ БУДУЩЕГО (Фантастическая юмореска)

Утро всегда бодрое и свежее, как мясо с прилавка – прохладное, влажное, красное от жизни. Подъём, как всегда, происходит ровно в шесть утра: стрелки на часах едва успевают сомкнуться, как из углов барака рявкают динамики. Квадрафонические, со стальными решётками и матовыми диффузорами, они не просто доносят звук – они вбивают его в череп, будто отбойным молотком. Бум-бум! – и стены металлического барака дрожат, воздух вибрирует; звук настолько густой, что кажется, можно потрогать его ладонью. Тут даже мёртвый вскочит с ложа, а живой – тем более.

Раздаётся бодрый марш, резкий, как свежий ветер:

«Легко на сердце от песни весёлой,

Она скучать не даёт никогда,

И любят песню деревни и сёла,

И любят песню большие города».

В ответ – ворчание моих однокурсников. Кто-то ругается вполголоса, кто-то совсем не лестно отзываясь о теперешней жизни. Но комсорг Сергей Хаитов пресекает такие выходки мгновенно. Он всегда был словно из бронзы: высокий, сухощавый, с острым носом и прищуром, который уместнее бы смотрелся на лице старшего офицера, чем у двадцатидвухлетнего студента. Фуражка сидит на нём так, будто он с ней родился, а красная повязка на рукаве – как печать полномочий. Строгий с оппортунистами и ревизионистами, он умеет гасить протест одним взглядом и словом – коротким, рубленным, как команда.

И всё же ребята правы: после сладкого сна трудно вернуться в прежний суровый мир. И хотя сейчас у нас не учёба и не практика, как обычно, обязанностей и ответственности на нас не меньше. Мы заняты важным государственным делом – собираем хлопок для Родины. Продолжаем трудовые и победные традиции предков, старт которых был дан ещё в 1917-м, когда крестьяне, солдаты, рабочие взяли власть, чтобы спустя сотню лет мы для этой власти собирали бесценный урожай. С тех пор всё переплелось – миф и реальность, героизм и рутина, но лозунги по-прежнему горят на стенах транспарантов и в сознании.

Но это там, в России. А я пишу эти строки из своей республики – Узбекистана. В данный момент из иллюминаторов видно унылый и серый мир – тот самый, который прельстит разве что того, кто уже видел ад. Поднимающиеся испарения скрывают наше светило: солнце здесь не золотое, а мутно-оловянное, как тусклый диск старого фонаря. Оно словно дышит сквозь марлю пыли и ядовитых испарений, и всё же на душе у нас оптимизм и желание достичь высоких результатов.

На дворе 2089-й год. Мы живём в коммунистическом будущем, построенном по заветам Маркса и Ленина, в веке химии, генетики и автоматике. И всё же эта сельскохозяйственная культура – хлопок, «белое золото» – продолжает нести важную функцию для производства целого ряда нужных продуктов. Как и сто лет назад, школьников, студентов, учителей, врачей, инженеров и рабочих гонят на поля, чтобы вручную собирать урожай и отпартовать родной партии о самоотверженности трудящихся, не имеющих, если честно, прямого отношения к крестьянскому труду. Но это не важно! Все мы косвенно причастны ко всему, что творится, производится и утилизируется в нашей великой стране.

Кто я такой, спросите вы, читающие эти строки? Ответу: Равшан Хабибуллаев – двадцатилетний студент Ташкентского института народного хозяйства. Тёмноволосый, с тонкими руками городского жителя, не приспособленными к колючему хлопковому стеблю, я учусь на четвёртом курсе и привык к книгам, аудиториям и шуму большого города. Нас с товари-

щами доставили на бронепоезде в Арнасайский район Джизакской области, прямо на хлопковые плантации совхоза имени Юлиуса Фучика.

Здесь, под охраной автоматчиков из местного отряда милиции, нас поселили в многофункциональном бараке – этакой железной бочке длиной сорок метров и диаметром десять. Снаружи он похож на разрезанный вдоль корпус старого дирижабля, а внутри – на гигантскую жестяную консерву. Стены гулко звенят от каждого шага, узкие койки стоят в два яруса, воздух пропитан смесью железа, пота и известковой побелки. Вдоль стен – крючья для одежды, над ними лозунги, а в углу – громадный вентилятор, гонящий тёплый воздух. Сейчас здесь проживает более семидесяти ребят из двух групп нашего планового факультета.

Разве нельзя было предоставить пятизвёздочный отель, пансионат или дома отдыха работников аграрного сектора? Наверное, могли. Но для таких, как мы, это место – проверка на прочность и продолжение той самой традиции: «отдавать себя Родине без остатка», пусть даже в металлическом чреве степного барака.

Увы, экология изменилась, мир теперь иной. Курортные зоны – давно не те солнечные здравницы, что при СССР. Теперь туда съездить стоит столько, что и за год не заработаешь, даже собирая хлопок на полях, подрабатывая на товарной станции в воскресные дни и экономя каждую копейку со стипендии. Там, в стеклянных куполах с кондиционированным воздухом и искусственными морями, отдыхает приезжая верхушка. В таких гостиницах они живут как в оранжереях: климат-контроль, белые халаты на обслуживающем персонале, пахнущая озонном вода, расписания инспекций и награждений. Начальство выезжает из своих куполов, как боги Олимпа: чтобы проконтролировать наш труд, вручить грамоты, повесить на грудь значок «ударника» – и снова исчезнуть в хладе климатических установок, оставив нас на раскалённой планете.

Нам же полагаются места поскромнее. Да и выбор невелик: ныне в Арнасайском районе невозможно жить в обычных бараках или палатках – больше часа на открытом пространстве никто не протянет. Окружающая среда здесь как оживший кошмар. Ветер тащит ядовитую пыль, смешанную с остатками химикатов, радиоактивной золы, бытовых и промышленных

отбросов. Она липнет к коже, разъедает ткани, как крошечные иглы. Небо – мутно-зелёное, как старый рассол, с редкими рваными облаками кислотного оттенка. В лёгких – кислорода минимум, зато полно аммиака, сероводорода, углерода. Говорят, на заре промышленной эпохи так выглядели серные источники, только теперь этот запах – сама атмосфера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.